

О.М. МИХАЙЛЕНОК, Г.А. МАЛЫШЕВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИИ

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений (m-oleg-m@yandex.ru); МАЛЫШЕВА Галина Анатольевна – младший научный сотрудник того же отдела (lamaga2007@yandex.ru). Оба – Центр политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена влиянию социальных сервисов Интернета на политику и политические отношения в России. Основываясь на вторичном анализе социологических данных, прослежены тенденции развития социальных сетей и социальных медиа как публично-политического пространства. Выделены особенности онлайн-политических взаимодействий в условиях интенсификации цифровых информационных потоков. Подчеркивается, что социальные сети не просто калькируют совокупность общественно-политических противоречий в стране, но и сами являются средой политического противоборства и реализации интересов различных акторов. Указаны факторы, определяющие неоднозначный характер виртуального сетевого пространства в организации социального диалога и становлении гражданской идентичности россиян. Показана специфика влияния социальных сетей и медиа на процесс легитимации, обусловленный особенностями социально-коммуникативной сферы в России.

Ключевые слова: социальные сети • социальные медиа • политические отношения • политическое участие • цифровые технологии • цифровое неравенство • социальное неравенство • гражданское общество • легитимация политической власти

DOI: 10.31857/S013216250004012-6

Введение. Сетевизация общества – необратимая глобальная тенденция, имеет повсеместное проявление и выражается в интенсивном распространении горизонтальных форм организации жизни, получившем мощное ускорение благодаря появлению цифровых средств информации и социальной коммуникации. В широком смысле социальные сети, в том числе политического характера, чрезвычайно многообразны и охватывают различные сферы человеческой жизнедеятельности [Сморгунов, Шерстобитов, 2014]. Статья сфокусирована на социальных сетях, функционирующих в виртуальном компьютерном пространстве, как на наиболее динамичном сегменте сетевых общественных взаимодействий в России, рассмотрены тенденции их развития с точки зрения новшеств, которые они привносят в политику и политические отношения.

Компьютерные сети, являясь продуктом как социальных, так и технологических трансформаций, дают исследователям возможность осмыслить общественно-политические сдвиги, внесенные новой цифровой эпохой. Одним из продуктивных путей такого осмысления социальной реальности является практикуемый социологами сетевой подход. Однако, несмотря на его популярность и соответствие современным запросам социологического знания, актуальной для российских ученых остается задача систематизации накопленных в его рамках «теоретических идей и практических наработок» [Мальцева, 2018: 4, 12]. Кроме того, в научной среде существует мнение, что для полноценного представления о политической динамике сетевизации социологические теоретические подходы требуют комбинирования с другими методиками, в частности, с теми, которые традиционно используются в политическом анализе общественных явлений и процессов [Быков, 2013: 93, 161]. Сетевая тематика предлагает исследователям богатый эмпирический материал,

однако его концептуализации мешает терминологическая неопределенность, сохраняющаяся в научной литературе, несмотря на попытки ее преодолеть. Это касается, в частности, соотношения понятий социальные сети, социальные медиа и новые цифровые СМИ, применительно к которым зачастую употребляются дефиниции, по-разному трактующие их свойства и атрибуты, оставляя открытым вопрос о наличии их общепринятого научно-го определения [Чэн Ди, 2015; Балуев, Каминченко, 2016].

Социальные сервисы Интернета и их распространение в России. Электронные сети хотя и обладают рядом характеристик медийных цифровых структур, не тождественны им. Тем не менее при известных функциональных различиях онлайн-сети (виртуальные средства межличностного и группового общения) и социальные медиа (виртуальные средства производства и распространения информации) могут рассматриваться в едином комплексе, поскольку и те, и другие служат целям социальной коммуникации. К их числу относятся, помимо социальных сетей Интернета в узко-техническом понимании, разнообразные формы виртуальной сетевой коммуникации: блог-службы, форумы, мессенджеры, новостные сайты, социальные каталоги и библиотеки, службы обмена данными (медиахостинги), многопользовательские сетевые игры и другие социальные интернет-сервисы. Общими для них признаками являются базирование на технологических платформах Web 2.0, интерактивность и возможность создания информационного контента компьютерными пользователями-непрофессионалами.

К настоящему времени электронные (цифровые) социальные сети заняли прочное место в повседневной жизни российского общества. Доля интернет-пользователей в России в 2018 г. достигла 80% населения¹. При этом, согласно данным исследований Левада-Центра, более половины россиян (55%) активно используют виртуальные социальные сети; в молодежной среде этот показатель достигает 93% [Волков, Гончаров, 2017: 116].

Наиболее популярны в нашей стране соцсети «ВКонтакте» (28%), «Одноклассники» (19%) и Instagram (14%). Далее с заметным отрывом следуют социальные сервисы Google+ (7%), сети Facebook и Мой мир (по 4%), а также Twitter и LiveJournal (по 1%). К числу наиболее посещаемых интернет-ресурсов относится также YouTube – глобальный видеохостинг с функциями социальной сети. Кроме того, россияне регулярно пользуются услугами мобильных мессенджеров². Однако, если о возрастной и гендерной принадлежности российских сетевых пользователей данные наличествуют, то их социальный состав и иные релевантные с точки зрения социологического анализа характеристики в должной мере не обследованы. Сегодня масштабы сетевой вовлеченности россиян столь значительны, что делают ее фактором общественной жизни, который трудно игнорировать.

Социальные сети в сфере публичной политики. Социально-технологические трансформации, выражающиеся в повсеместном распространении компьютерных сетей, оказывают непосредственное влияние на сферу политических отношений. В силу этого виртуальное социальное пространство сегодня рассматривается не просто как коммуникативная среда, но и как пространство реализации публичной политики. Возникают и получают развитие новые, онлайн-формы политического дискурса и механизмы взаимосвязи власти и общества. Становление сетевого общества порождает надежды на качественный скачок в демократическом развитии, на широкие возможности цифровой демократии, и эти надежды отчасти подкреплены реальными инновационными изменениями в публично-политической сфере. Тем не менее пристальный взгляд на специфику политической жизни в цифровых социальных сетях наводит на определенные размышления.

Сетевая деятельность не требует от ее акторов формального подключения к институтам традиционной политики, а издержки сетевого политического участия сведены к минимуму. Виртуальный «кликерный» активизм предполагает приложение самых незначительных усилий – порой достаточно отнести к числу понравившихся текстовое сообщение, изображение

¹ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9024> (дата обращения: 18.09.2018).

² URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691> (дата обращения: 18.09.2018).

или медиафайл, обладающие признаками политического контента. Хотя в современной политической социологии не сложилось единого мнения, считать ли подобные действия формой политического участия, тем не менее признается, что slackтивистская парадигма становится одной из наиболее распространенных примет цифровой политической эпохи.

Осознанный гражданский активизм с четким политическим звучанием – удел немногочисленного онлайн-меньшинства; основная масса посетителей сетевых сервисов приходит туда в поисках развлечений и для удовлетворения повседневных житейских запросов. В рейтинге целей использования Интернета населением России собственно политическая тематика занимает одно из последних мест (не более 3,3%) [Индикаторы..., 2018: 129]. К тому же замечено, что цифровизация и интернетизация общества способствуют распространению в нем гедонистической политической культуры, когда сама политика воспринимается гражданами как своего рода развлечение [Мирошниченко, Морозова, 2017: 278–279].

Политические отношения в сети в высшей степени персонализированы и локализуются на уровне интересов отдельного индивидуума, обуславливая, в свою очередь, возрастающую таргетизацию сетевых политических взаимодействий. В демократиях старого типа это происходит на фоне снижения общественного доверия к традиционным институтам национального политического пространства. Ориентируясь на общемировые и региональные тренды и следуя «генеральной» линии развития, политические партии и движения становятся все менее восприимчивы к интересам и потребностям граждан своих стран, что приводит к формализации системы представительной демократии и делает ее менее репрезентативной. В поисках социальной поддержки политики переключают свое внимание на локальный, личный, персонализированный уровень реализации управленческих задач.

Социальные сети как коммуникативное пространство. Один из столпов современной политологии З. Бауман описывает стремление людей присоединиться к сетевым сообществам как способ уйти от неопределенности («текучести»), конфликтности, распада социальных связей, которые царят в социальной реальности современного общества. Он акцентирует внимание на феномене дистанцирования граждан от современного государства, отмечая, что существующая система демократических институтов утрачивает свою адекватность вызовам взаимозависимого мира [Бауман, 2008: 183–184]. Иная точка зрения на этот счет у И.В. Мирошниченко: социальное поведение граждан в рамках онлайн-сообществ направлено на преодоление «сверхрационализации» повседневной жизни, поскольку виртуальные сети образуют качественно новую публичную сферу, в меньшей степени зависимую от регулирования, контроля и вмешательства со стороны государства [Мирошниченко, 2016: 147].

Социальные сети Бауман называет «приятной ловушкой», не обогащающей, но ограничивающей коммуникационный потенциал человека. Большинство людей, по его словам, используют социальные сети не с целью расширения своих жизненных горизонтов, а для того, чтобы замыкаться в зоне комфорта, где их окружают «отзвуки их собственных голосов и отражения их собственных лиц». В интернет-сообществах настолько легко добавлять и удалять друзей, что социальные сети лишают пользователей возможности приобретать настоящие навыки социального общения³. Сетевые сообщества и социальные медиа не учат диалогу, поскольку не предполагают противоречия. Данное утверждение, если принять его как справедливое, заставляет усомниться в возможности полноценной сетевой социализации человека и иллюстрирует амбивалентность сетевого развития в современном обществе. Каждый человек, идентифицируясь в виртуальных соцсетях, приобретает электронного двойника и делегирует ему свои действия в Интернете. В зависимости от многообразия контактов в сетевых сервисах таких двойников может быть множество, и все они, поскольку вступают в социальные взаимодействия, не менее реальны, чем их физический прототип. Виртуальный сетевой социум накладывается на офлайн-общество с присущей ему социальной структурой. Это две сосуществующие реальности

³ Bauman Z. "Social Media Are a Trap" // El Pais. 25.01. 2016. URL: https://elpais.com/elpais/2016/01/19/inenglish/1453208692_424660.html (дата обращения: 18.09.2018).

(причем и та, и другая – сетевые), степень взаимосвязанности которых, равно как и закономерности, их регулирующие, еще предстоит определить.

Связь между онлайн-овой и офлайн-овой идентичностями сложна и нелинейна. Бауман ставит под сомнение само наличие прямой зависимости между этими социальными амплуа граждан, называя электронные сообщества «карнавальными»: по его словам, посетители Интернета легко возвращаются от мнимого виртуального единения к своим «обычным земным ролям» [Бауман, 2008: 214–216]. И все же, на наш взгляд, в условиях, когда разрушена связь между формальной гражданской принадлежностью и индивидуальным ощущением гражданства, социальная сетевизация, принадлежность к виртуальным сетевым сообществам начинает выполнять функцию новой, сетевой формы гражданской идентичности.

Интенсивность и содержательное наполнение сетевой деятельности служат своеобразным барометром репрезентативности политической системы, показателем того, насколько полно офлайн-овая политическая повестка отражает весь спектр общественных умонастроений и динамику социального запроса. Будучи ограничено в возможностях реализовать свой конструктивный потенциал посредством традиционных институтов, гражданское общество уходит в сети, погружаясь в бескровные онлайн-овые баталии и сигнализируя властям о наличии болевых точек в экономической, социальной и политической жизни страны.

Цифровое неравенство. Описывая парадигму сосуществования двух социумов, необходимо иметь в виду цифровое неравенство, а также факторы, определяющие его динамику и характеристики в том или ином общественно-политическом контексте. Цифровое неравенство имеет глобальное и локальное измерения и выраженную социальную окраску. Это одновременно и следствие, и фактор информационно-коммуникационного технологического прогресса. Этот тип неравенства обладает свойством работать в циклическом режиме, воспроизводясь на каждом новом витке. Ограниченность доступа к цифровым благам лишает человека жизненных преимуществ, маргинализируя его в современном мире.

Население России крайне неоднородно по степени овладения навыками работы с информационно-коммуникационными технологиями. Цифровой разрыв обусловлен типом мест проживания и принадлежностью к различным возрастным группам. Горожане в среднем обладают более совершенными навыками работы с компьютерами, чем сельские жители, а молодые россияне с точки зрения цифровой грамотности намного опережают представителей старших возрастов [Цифровая экономика..., 2018: 20; Индикаторы..., 2018: 126–127]. Кроме того, прослеживается определенная корреляция цифрового неравенства граждан с уровнем их дохода и образования [Быков, Халл, 2011].

Аккумулируя эффекты неравномерного доступа к преимуществам цифровой революции, новейшие технологии выступают не просто в роли «усилителя» социальных неравенств офлайн-овой реальности. Цифровые социальные сети продуцируют и собственные виды неравенства. Электронные сообщества не являются «сообществами равных», они глубоко стратифицированы и отличаются неравномерностью распределения компетенций, связей и влияния, образуя социальный капитал их участников. Социальные сети, хотя и декларируют принципы самоорганизации и коллективной идентичности, на деле создают структурные иерархии, предполагающие неодинаковый онлайн-овый статус пользователей, тем самым углубляя цифровой социальный разрыв и создавая почву для новых форм социальной конфликтности [Скуратов, 2017; Рыков, 2015].

Виртуализация общественно-политических конфликтов. Стремительная интеграция в общественную жизнь информационно-коммуникационных технологий меняет характер и сущностное наполнение сетевых политических взаимодействий, способствуя максимальной индивидуализации политического выбора. Цифровые системы анализа больших данных, адаптированные к работе с персональной информацией, позволяют проводить ее в гигантских масштабах. Это открывает простор для целенаправленной обработки сознания пользователей в практически неограниченных объемах, включая разнообразные формы политического сетевого воздействия со стороны как национальных властно-государственных институтов, так и негосударственных глобальных акторов.

Оценивая возможности политического влияния в виртуальном сетевом пространстве, следует учитывать: сетевая реальность отражает, воспроизводит и во многом усугубляет конфликты идентичностей, присущие современному российскому обществу. Идеи и политическое противоборство все чаще происходят в режиме онлайн и служат основой выстраивания алгоритма виртуализированных социальных связей и коллективного сетевого действия. Избирательность сетевой коммуникации, сознательное отсеивание диссонирующих точек зрения формирует тенденциозное, однобокое, ангажированное видение реальности и ограничивает способность адекватного осмысления ее проблем.

В России сетевой ценностный разрыв со всей очевидностью проявился в связи с событиями 2011–2012 гг., и к настоящему времени он не просто сохраняется, но и во многих своих аспектах радикализируется и приобретает выраженную онлайн-локализацию. Сетевое пространство политически разделено на две основные когорты, которые вслед за А.Л. Зверевым можно описать как «консервативно ориентированных и патриотически настроенных пользователей», поддерживающих действия властей, и «либерально ориентированных пользователей, придерживающихся эталонных демократических ценностей» и демонстрирующих оппозиционность политическому режиму. И те, и другие конструируют собственную виртуальную «политическую картину мира», которая служит для них ориентиром и в реальной жизни [Информационно-технологическое проектирование..., 2014: 119–120].

Немаловажную роль в этом играют технологии политического манипулирования, под воздействием которых во взаимно оппонирующих сегментах сетевого мира формируются различные, порой противоположные модели восприятия одних и тех же событий и фактов политической информационной повестки [Володенков и др., 2014: 119–120]. Таким образом, если российское общество расколото по мировоззренческому признаку в физической реальности, то в той же степени оно расколото и в киберсетях. Соответственно, проблема конструирования общественно-политического диалога и поиска точек возможного достижения гражданского консенсуса распространяется и на сетевое пространство.

Политическое влияние в сетевом пространстве. Необходимо также иметь в виду, что в России сохраняется ситуация, при которой критические системы и элементы информационной инфраструктуры зависят от центров производства, мониторинга и управления, расположенных за пределами страны. Крупнейшие мировые игроки в Интернете и социальных сетях, такие как Google, YouTube, Facebook и Twitter, не являются российскими резидентами. Современные цифровые технологии, в частности, аналитические системы больших данных, позволяют не просто фиксировать сетевую дислокацию пользователей, но и составлять, якобы под цели таргетированной рекламы, их структурированные информационные профили (включая информацию, отобранную по политическим критериям), которые могут быть переданы третьей стороне и использованы для осуществления цифрового контроля⁴.

Одновременно с появлением новых технологий производства и распространения информации сформировались и новые механизмы цензуры, и надзора над гражданами посредством технологических инструментов всемирной сети⁵. Поскольку стратегии цифрового контроля носят зеркальный характер и все шире входят в практику различных заинтересованных групп и центров влияния, становится иллюзорной сама возможность Интернета выполнять функцию открытой и равноправной площадки социального взаимодействия. В подобных условиях возможно не только интернальное, но и экстернальное политическое воздействие на российскую сетевую среду. За информацией в сети стоят определенные силы, использующие ее для формирования культурно-политического пространства и, соответственно, форматирования общественного сознания.

⁴Facebook Labels Russian Users as 'Interested in Treason' // The Guardian. 11.07.2018. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/jul/11/facebook-labels-russian-users-as-interested-in-treason> (дата обращения: 18.09.2018).

⁵Жешко-Браун И. Американский самиздат в сетях Интернета // Интернет-журнал «Гептер». 14.02.2018. URL: <http://gefeter.ru/archive/24038> (дата обращения: 18.09.2018).

Реализации подобных задач немало способствует специфика цифровых информационных потоков и особенности их восприятия в современном мире. Благодаря массовости и доступности новейших средств коммуникации все больше людей публикуют и распространяют свои оценки и суждения, создавая таким образом квазиреальность «множественной правды». Плотность и объемы информации формируют клиповое восприятие событийного ряда и сокращают способность к его критическому осмыслению. Информационное подавление общественного сознания – явление, наблюдаемое повсеместно. Лишь 9% россиян уверены в своей способности отличить правдивую информацию от недостоверной, и 46% признают, что не в состоянии понять, где правда, а где ложь в информационных потоках. Критерий правдивости информации перестает быть первостепенным для ее потребителей. Почти половина жителей нашей страны (44%) считает, что россиянам не так уж нужна достоверная информация, если она не касается их напрямую [Волков, Гончаров, 2017: 125]. Все это создает предпосылки для массового манипулирования сознанием и поведением граждан посредством виртуальных сетей и социальных медиа.

Социальные сети и легитимация политической власти. Говоря о сетевых политических эффектах, нельзя обойти вниманием легитимационную функцию социального киберпространства и его роль в электоральном процессе. Сетевая реальность, видоизменяющая принципы функционирования современного общества, предполагает и определенную модификацию базовых моделей легитимации политической власти. Главный теоретик сетевого развития М. Кастельс подробно останавливается на проблеме легитимности, построенной на контроле над сетевыми коммуникациями. По его словам, в новой конфигурации властных отношений контроль над сетевыми дискурсами, а через них над общественным сознанием, служит дополнением, а иногда и эквивалентом «конституционного доступа к применению силы». Одним из действенных средств такого контроля является манипулирование информацией, позволяющее конструировать смыслы и «перепрограммировать» социальные коммуникации, чему немало способствует незащищенность большинства граждан перед натиском информационного поля. В сетевом обществе медийное пространство становится пространством осуществления «коммуникационной власти», а государство посредством финансовых, юридических, институциональных и технологических возможностей контроля над сетями массовой коммуникации – основным (хотя и не единственным) субъектом информационного насилия [Кастельс, 2016: 29–30, 68–72, 295–299, 453–464].

Трансграничный характер сетевой онлайн-среды обуславливает возможность различных в том числе внешних влияний на механизмы легитимации и дегитимации власти, придавая им новое измерение, выходящее за пределы национального государства. В то же время, на чем делает акцент А.И. Соловьев, процессы экспорта-импорта социально-политических институтов, сопряженные со становлением глобального информационного общества, включают и новые формы организации массового публичного дискурса. Участие государства в медиасфере («информационная игра с населением») служит для российских властей одним из основных легитимационных ресурсов, позволяя приобретать и аккумулировать, в дополнение к капиталу административному, «паблицитный капитал», в использовании которого они обладают высокой степенью самостоятельности [Соловьев, 2012: 13–16].

Кастельс отмечает, что в российском государстве, «исторически одержимом контролем над информацией», программирование информационно-коммуникативного поля под цели легитимации проводится в жестких централизованных формах и носит явные следы репрессивно-пропагандистских технологий советского образца [Кастельс, 2016: 299–306]. Перенесенный на отечественную почву новейший технологический арсенал медиакратии оказывается направленным главным образом на «консервацию традиционалистских форм общественного сознания» и обеспечение политической лояльности граждан. Надежды на преломление этого тренда связываются с внутриэлитной трансформацией российской власти и дифференциацией медийного пространства, что позволило бы реализовать «перепозиционирование масс в механизме формирования государственной политики» [Соловьев, 2017: 200–202].

Сетевой фактор сегодня – неперенный атрибут политической жизни в России, а цифровое социальное пространство стало ареной интенсивного применения политических технологий нового поколения. Тем не менее было бы преждевременно вести речь о наступлении в нашей стране цифровой политической эпохи. Более того, есть явные признаки ее цифрового политехнологического отставания. Асимметричность расстановки сил в российской политике приводит к тому, что цифровые политехнологии не обкатываются в России столь же интенсивно, как и там, где они уже стали неотъемлемой частью электорального процесса [Неяскин, 2010: 160]. Для окол властных политических сил, доминирующих в традиционных СМИ, социальные сети и медиа играют роль вспомогательного инструмента в избирательных кампаниях. Для несистемных оппозиционных и маргинальных политических групп и движений они служат едва ли не единственным (и поэтому активно практикуемым) способом завоевать и распространить свое влияние, но отнюдь не гарантируют успеха.

В России традиционные СМИ, прежде всего федеральные телеканалы, продолжают сохранять преобладающее влияние на электорат, а российская медиаповестка практически монополично контролируется государством. В декабре 2016 г. телевизионные каналы служили основным источником информации для 91% россиян, Интернетом для этих целей пользовалось в два раза меньше граждан (46%). Наибольшую зависимость от телевидения демонстрируют люди старших поколений, тогда как в молодежной среде его позиции все более активно теснятся онлайн-новыми информационными ресурсами [Волков, Гончаров, 2017: 105–108]. Между тем опыт других стран высвечивает ключевую роль онлайн-новых инструментов в информационном сопровождении электорального процесса. В частности, как указывает Жежко-Браун, в 2016 г. социальные медиа оказали решающее влияние на рост политической капитализации избирательной кампании Д. Трампа, в то время как его оппонент Х. Клинтон делала основную ставку на традиционный медийный мейнстрим [Жежко-Браун, 2017: 126–127].

Возможно, именно в силу своеобразия сложившегося баланса классических и новых медийных форм в нынешней России неочевидны механизмы и возможности преобразования онлайн-новоего социального капитала в офлайн-новый политический. Наиболее активный и организованный контингент российских избирателей составляют представители зрелых возрастов, т.е. основная аудитория традиционных медиа. Таким образом, факторы «запоздалого» присоединения России к миру современной цифровой политики оказываются связанными между собой и обуславливаются доминирующей в обществе технологической моделью производства и распространения информационного контента. Можно предположить, что постепенное увеличение сетевого охвата – так, с 2013 по 2017 г. общее число пользователей социальных сетей выросло на 10 пунктов [Волков, Гончаров, 2017: 116] – наряду со сглаживанием цифрового неравенства и вступлением в политическую жизнь новых поколений россиян, способно в будущем существенно повысить легитимационный потенциал онлайн-новоего социального пространства.

Социальные сети как субъект управления. Сетевое развитие качественно меняет характер вызовов, с которыми общество может столкнуться в ближайшее время. Его логика ставит под вопрос институциональное доминирование и незаменимость государства, предлагая альтернативные формы социального и политического управления – многоуровневые и мультицентричные системы, основанные на сетевом принципе принятия решений, краудсорсинговых технологиях и технологиях типа блокчейн. Кастельс рассматривает сетевизацию едва ли не как последнюю надежду теряющей динамизм западной политической модели – надежду на возрождение гражданского общества «в сетях сопротивления и социальных перемен» [Кастельс, 2016: 72, 467] и на обновление самой природы легитимации, т.е. на переоснование и перезаключение социального контракта между обществом и властью в условиях новой сетевой реальности.

В России на социальные сети, инкорпорированные во властно-политические и административно-управленческие структуры, возлагается миссия одного из ключевых драйверов модернизационного развития [Мирошниченко, 2016: 198]. Тем не менее остается данностью,

что в силу традиции государство является главным актором в российской политике, в то время как гражданскому обществу отводится второстепенная функция. Специфика исторического генезиса российской государственности обуславливает особую устойчивость вертикальных институциональных структур иерархического типа и сопутствующих им моделей социально-политических связей и отношений. Стабильность ориентаций на государство продолжает фиксироваться в качестве имманентной характеристики массового сознания россиян [Российское общество..., 2018: 16, 18, 21, 27; Волков, Колесников, 2017: 2, 13, 34]. Современное развитие России проходит под знаком доминирования государства над сетевой публично-политической сферой, и это заставляет усомниться в конкурентоспособности российской сетевой альтернативы традиционным властным и управленческим иерархиям.

Заключение. Подводя итог, можно констатировать: анализ политических аспектов сетевизации заставляет переосмыслить подходы к вопросу о роли техносоциальных трансформаций в развитии российского общества. Социальные сети являются мощным инструментом воздействия граждан на политическую власть, но в то же время очевидно, что они служат благодатной средой для массовой обработки общественного сознания и широкомасштабных политических манипуляций. Виртуальное сетевое пространство предполагает разнообразные формы политического участия, но оно же воспроизводит старые и порождает новые виды общественного неравенства и выступает проводником для реализации политического влияния и противоборствующих политических интересов.

На социальное киберпространство проецируется весь комплекс общественно-политических конфликтов и противоречий современной российской действительности. Участвуя в публичной политике, сети виртуальной коммуникации начинают выполнять политическую функцию и, по сути, становятся политическими сетями. Политическое измерение сетевого развития многопланово и не дает оснований для однозначных прогнозов, будь то эйфория в связи с ожидаемым расцветом цифровой демократии или апокалиптические образы будущего как царства тотального цифрового контроля. И в этом смысле оно заслуживает пристального внимания представителей научного сообщества и политической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. Сравнительный анализ «новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1. С. 153–161. DOI: 10.17223/1998863X/33/16.
- Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: СПГУТД, 2013.
- Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–164.
- Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ – 2017 // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2(124). С. 105–129. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/214003992> (дата обращения: 16.09.2018).
- Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги, 2017. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Volkov_web_Rus1.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
- Володенков С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления // Политическая экспертиза. 2017. Т. 13. № 3. С. 57–69.
- Володенков С.В., Кузнецов И.И., Евгеньева Т.В. и др. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 113–135.
- Жежко-Браун И.В. Хиллари Родем Клинтон и Сол Алинский: «Существует только борьба...» // Идеи и идеалы. 2017. № 2(32). Т. 1. С. 103–131.
- Индикаторы цифровой экономики: 2018. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018.
- Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; Под науч. ред. А.И. Черных. М.: ВШЭ, 2016.

- Мальцева Д.В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518040013
- Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление: Моногр. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>.
- Неякин Г.Н. Интернет в политических кампаниях США и России: сравнительный анализ // Бизнес. Общество. Власть. 2010. № 5. С. 144–163.
- Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. Информационно-аналитический доклад. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Рыков Ю.Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4. С. 144–156.
- Скуратов А.Б. Страты участников локальных интернет-сообществ: основные черты и характеристики // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 1. С. 82–88. DOI: 10.14529/ssh170113.
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Соловьев А.И. Институциональные сети российского государства и стратегия самолегитимации правящего режима // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8. № 3. С. 5–20.
- Соловьев А.И. Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия // Политическая наука. 2017. № 1. С. 186–203.
- Цифровая экономика: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018.
- Чэнь Ди. Социальные медиа в решении актуальных общественно-политических проблем: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

Статья поступила: 21.09.18. Принята к публикации: 19.11.18.

POLITICAL EFFECTS OF SOCIAL NETWORKS IN RUSSIA

MIKHAYLENOK O.M.*, MALYSHEVA G.A.*

**Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia*

Oleg M. MIKHAYLENOK, Dr. Sci. (Pol.), Prof., Chief Researcher; Head of the Department for Research of Social and Political Relation (m-oleg-m@yandex.ru); Galina A. MALYSHEVA, Junior Researcher of the Department for Research of Social and Political Relations (lamaga2007@yandex.ru). Both – Center of political science and political sociology, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Analysis of the political aspects of the development of Internet social networks is a promising field in political sociology. The cyberspace of the network performs not only a social and communicative function, but also possesses significant political potential. Online social networks have become a phenomenon of social and political life in modern Russia and influence its dynamics and character, acting as a legitimising power mechanism. Integration of public policy into virtual social space causes formation of network forms of political participation for citizens and their new online identities. At the same time, the specifics of online political interactions limit the opportunities for social dialogue, which is already difficult in Russia due to the existence of clearly expressed ideological and value differences in society. The social Internet space serves as a virtual projection of social contradictions and acts as an arena for the clash of political interests. Social networks, although declaring the principles of solidarity, self-organization and collective identity, are in fact stratified, do not imply equality of users, nor do they provide a balance of their interests. Networks provide a wide range of opportunities for political manipulation and influence curation of public consciousness. In Russia, political power uses a number of tools to implement administrative control over the digital social space, which makes one question viability of the network society project as a modern policy-management alternative. Nevertheless, it is hoped that as the network involvement of Russian citizens increases, the political potential of the virtual communication space will increase, too.

Keywords: social networks, social media, political relations, political involvement, digital technologies, digital inequality, social inequality, civil society, legitimization of political power.

REFERENCES

- Abdrakhmanova G. et al. (2018) *Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2018: Data Book*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Abdrakhmanova G. et al. (2018) *Digital Economy: a Brief Statistical Collection*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Baluev D.G., Kaminchenko D.I. (2016) Comparative Analysis of "New" and Social Media in the Context of Socio-political and Historical Factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science]. No. 1: 153–161. DOI: 10.17223/1998863X/33/16. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *The Liquid Modernity*. Ed. by Y. Asochakov. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bykov I.A. (2013) *Net Political Communication: Theory, Practice and Research Methods: a Monograph*. Saint-Petersburg: SPGUTD. (In Russ.)
- Bykov I.A., Khall T.E. (2011) Digital Divide and the Internet-users Political Preferences in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 151–164. (In Russ.)
- Castells M. (2016) *Communication Power: Textbook*. Transl. from Eng. N.M. Tylevich. Ed. by A.I. Chernykh. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Cheng Di (2015) *Social Media in Solving Urgent Social and Political Problems*. Cand. Diss. Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Maltseva D.V. (2018) Network Approach as a Phenomenon in Sociological Theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518040013. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V. (2016) *Network Public Policy and Management: Monograph*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. (2017) Network Public Policy: Outlines of Subject Field. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 82–102. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>. (In Russ.)
- Neyaskin G.N. (2010) Internet in Political Campaigns of the USA and Russia: Comparative Analysis. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Authority]. No. 5: 144–163. (In Russ.)
- Russian Society after the Presidential Elections in 2018: a Request for Change. Information and Analytical Report*. (2018) Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Rykov Y.G. (2015) Network Inequality and the Structure of Online Communities. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 4(81). Vol. XVIII: 144–156. (In Russ.)
- Skuratov A.B. (2017) Strats Participants of Local Online Communities: the Main Features and Characteristics. *Vestnik YuUrGU. Ser. "Social'no-gumanitarnye nauki"* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. "Social Sciences and the Humanities"]. No. 1. Vol. 17: 82–88. DOI: 10.14529/ssh170113 (In Russ.)
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. (2014) *Political Networks: Theory and Methods of Study: Textbook*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Soloviev A.I. (2012) "Institutional Networks" of the Russian State and the Strategy of Self-legitimization of the Ruling Regime. *Politicheskaya ekspertiza* [Political Expertise: POLITEX]. No. 3. Vol. 8: 5–20. (In Russ.)
- Soloviev A.I. (2017) Mass Consciousness and Public Policy: Crossing Points and Problems of Interaction. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 1: 186–203. (In Russ.)
- Volkov D., Goncharov S. (2017) Russian Media-Landscape: Main Trends in Media-Consumption. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz, Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1-2(124): 105–129. URL: <http://www.levada.ru/2017/08/22/16440/> (accessed 16.09.2018). (In Russ.)
- Volkov D., Kolesnikov A. (2017) *We Are Waiting for Change. Is There a Mass Demand for Changes in Russia?* Moscow: Moscow Carnegie Center. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Volkov_web_Rus1.pdf (accessed 20.06.2018). (In Russ.)
- Volodenkov S.V. (2017) Technology Manipulation of Public Consciousness in the Internet Space as a Tool of Political Control. *Politicheskaya ekspertiza* [Political Expertise: POLITEX]. No. 3. Vol. 13: 57–69. (In Russ.)
- Volodenkov S.V., Kuznetsov I.I., Evgenyeva T.V. et al. (2014) The Information-technology Design of Political Values in the Russian Segment of Internet Space. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political Science]. No. 5: 113–135. (In Russ.)
- Zhezhko-Braun I.V. (2017) Hillari Rodham Clinton and Saul Alinsky: "There Is Only the Fight..." *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 2 (32). Vol. 1: 103–131. (In Russ.)